

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОЙ РОССИИ
НА СТРАНИЦАХ ДНЕВНИКОВ Н.Ф. ФИНДЕЙЗЕНА 1920–1924 ГГ.¹**

© 2017 М.Л. Космовская

*докт. искусствоведения, профессор,
зав. кафедрой музыкального искусства и образования*

e-mail: KosmosvskayaML@outlook.com

Курский государственный университет

Дневники Н.Ф. Финдейзена отражают историю нашей страны в оценке интеллигента-либерала, стремящегося к объективности высказывания и фиксировавшего факты повседневной жизни бытия в собственных рукописях с четким пониманием значимости собственной работы для будущих историков. В статье представлена повседневная жизнь Советской России по его рукописям 1920–1924 гг.

Ключевые слова. История культуры, история музыки, повседневная жизнь, трансформация мышления

Советская Россия 1920-х гг. в сознании современного социума представляется как многоплановое и неоднозначное явление, информацию о котором находим в самых разнообразных источниках – от правительственных документов до мемуаров эмигрантов, вызывая все новые и новые размышления и споры. Ведь это был период весьма существенный для молодой страны: от завершающего этапа гражданской войны – к новой экономической политике; от диктатуры пролетариата – к видимости свободы печати и совести; от голода – к относительному порядку.

Только что отгремевшая Первая мировая война, вызвавшая в стране разруху и недовольство населения, инициировала две революции, перевернувшие не только быт, но и сознание всего российского общества, что привело страну к кровавой диктатуре пролетариата – результаты этих исторических потрясений ощутил на себе каждый их современник. Остро, своеобразно и откровенно отражены переживания, вызванные этими поворотными страницами истории в дневниках Николая Федоровича Финдейзена (1868–1928) – ученого, историка и историографа русской музыки с древнейших времен, организатора и бессменного редактора «Русской музыкальной газеты» (1894–1918), музыкально-общественного деятеля, лектора и педагога. Как отмечалось в одной из предыдущих публикаций, «субъективность восприятия фактов истории – один из интереснейших аспектов рукописей дневников активных деятелей русской культуры, стремившихся быть аполитичными и не принимавших ни войн, ни революций, откровенно высказывавшихся в своих дневниках, публикация которых была немислима в XX веке, из-за чего их издание началось только в новом тысячелетии. Особенно существенны для всестороннего осознания фактов истории страницы с записями о переломных моментах жизни России, поскольку это –

¹ Исследование архивной коллекции Н.Ф. Финдейзена с 2015 по 2017 годы ведется при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (ныне – Российского фонда фундаментальных исследований) № 15-04-00191 а. Тема: «Дневники Н. Ф. Финдейзена 1920–1924 годов (расшифровка рукописи, исследование, комментирование и подготовка к публикации М. Л. Космовской)».

свидетельства современника событий, человека, на жизни которого они болезненно отражались» [Космовская 2016а: 69].

Изменение социальных условий в послереволюционное время негативно сказалось на всей деятельности Н. Ф. Финдейзена. Во-первых, в 1918 г. завершилось главное дело его жизни – прекратилось издание РМГ, которая на протяжении 25 лет (без нескольких месяцев) была его ежедневной любимой работой. Во-вторых, новые условия бытия вынудили расстаться с большей частью личного архива: после двух лет обработки он был передан в Отдел рукописей Публичной библиотеки (ныне – Российской национальной библиотеки). Завершилась эта передача в марте 1920 г., вместе с предыдущей книгой дневников [Финдейзен 2016].

Усугублялось общее мрачное настроение и личной трагедией – смертью матери в 1918 г., о которой сообщалось так: «В конце октября умерла мама <...> – убитая в висок с целью грабежа (большев<истские> следователи так и не попытались найти убийцы!). Умирала в бараках 4 дня, не приходя в сознание» [Финдейзен 2016: 272]

Жизненная опустошенность довольно скоро была преодолена: постепенно приходят новые предложения, и Финдейзен становится служащим Музыкального отдела Наркомпроса (его музейно-библиотечного подотдела – с 1919 г.) и профессором Археологического института (с 1919 г.). В этой работе он и пытается найти отдохновение и смысл жизни.

Начало записей в новом дневнике – 17 марта 1920 г. – совпало с последней стадией гражданской войны, когда боевые действия уже велись в основном на окраинах страны и большевики взяли власть в свои руки на всей оставшейся территории России, значительно уменьшившейся после выхода из ее состава Польши, Финляндии, Латвии, Литвы, Эстонии, Западной Белоруссии, Западной Украины, Бессарабии и части Армении. Отдельные факты этого процесса находят свое весьма любопытное отражение в дневниках Н. Ф. Финдейзена: «На 10 и 11 (!) объявлено начало мирных переговоров с Финляндией. А об условиях снятия блокады – все еще ничего не слышно. Коммунист Шахов (живущий сейчас у Тюнина) будто бы высказался, что П<етро>г<рад> будет “вольным городом”»¹ – 11 апр. 1920; «Говорят, что Финл<яндия> уже прервала (12-го) мирные переговоры, вечером 11-го требуя, м<ежду> пр<очим>, чтобы П<етро>г<рад> был вольным городом. Затормозились мирные переговоры с Польшей, требующей обширной территории, включая часть Украины, за искл<ючением> Киева» – 14 апр. 1920; «Слух о взятии финнами Лемболова² и объявлении (завтра) П<етер>б<урга> на осадном или военном положении» – 4 мая 1920; «Снова разные слухи. Поляки и Врангель надвигаются. <...> Грозит Финляндия и даже Эстония. Английские (?) цеппелины летают над городом; по ним стреляют из крепостных орудий. С Врангелем идет Михаил <...> и т. д., и т. д.!» – 30 сент.; «Заклучили перемирие с Польшей, а на стенах домов – плакаты с призывом – добить шляхту. Вчера закл<ючили> мир с Финляндией, а на окнах бывшего ресторана Долгинина – большая карикатура (правит<ельственной> фирмы Роста) на финляндца, простудившего ноги в Неве!» – 16 окт. 1920

В приведенных цитатах путаются даты (к примеру, переговоры с Финляндией были начаты 12 апр.); создается ощущение, что боевые действия идут где-то рядом (вражеские самолеты над Петроградом) и наступающих поддерживает царская семья (будто бы с Врангелем идет вел. кн. Михаил Александрович, младший сын Александра III, расстрелянный в 1918 г.); упоминается неисполнимая мечта петроградцев о

¹ Вследствие большого количества цитат из рукописи дневников Н. Ф. Финдейзена 1920-х [Финдейзен Дневник 1920–1928] здесь и далее отсылка дается только на дату записи. Издание рукописи планируется в 2019 г.

² В 60 км. от Петрограда.

«вольном городе». Но, все это – не достоверные факты, взятые из официальных источников, а слухи. И это четко понимает Н. Ф. Финдейзен, делая вывод: «О “внешней” и “внутр<енней>” политике нет известий» – 4 августа 1920, причем ни в коей мере не стремясь обвинять «внешних врагов» ни в общей ситуации в стране, ни в инфляции, считая, что «в этом замешаны, гл<авным> обр<азом>, посюсторонние охранители» – 17 марта 1920 г. Внутренняя жизнь страны – вот то, что составляло боль и отражалось на повседневном существовании.

К началу 1920-х гг. Петроград уже перестал быть столицей (в 1918 г.) – отсюда и мечта о восстановлении высокого статуса, хотя бы в форме «вольного города». Правительственные и учебные заведения постепенно теряют ведущее всероссийское значение и переходят в подчинение московским структурам – со всеми последствиями в виде усиленного контроля и постоянных проверок. Да и сам город стремительно меняется. Резкое количественное уменьшение жителей отражается в весьма говорящих цифрах: «При переписи 28 августа 1920 г. в Петрограде было зарегистрировано 722 229 человек обоего пола вместо 1 905 589 человек, зарегистрированных при переписи 1910 г. Наряду с обезлюдением произошли и резкие перемены в составе петроградского населения. <...> До войны Петроград, как и другие крупные русские города, отличался значительным перевесом мужского населения над женским. В 1900 г., напр., на 100 женщин приходилось 122 мужчины, а в 1910 – 110 мужчин. Сейчас же положение изменилось и на 420 618 женщин Петроград, по переписи 1920 г., имелось лишь 301 611 мужчин, что составляет приблизительно 72 мужчины на 100 женщин. Такое резкое падение количества мужчин объясняется, главным образом, влиянием войны, все жертвы которой падают почти исключительно на мужское население», – читаем в Адрес-календаре «Весь Петроград» за 1922 год. Но это – результат не только войны и ее последствий, но и массового исхода населения: сначала – в безопасные, далекие от войны регионы, а затем и за рубеж, в процессе которого страна лишилась лучших представителей русского дворянства, офицерства, духовенства. Причем эмиграция носила не такой уж выборочный характер: по данным статистики, Россию в первые годы советской власти покинуло около 2 миллионов человек.

Как уже отмечалось во вступительных статьях к предыдущим томам Дневников (1909–1914 [Космовская 2013] и 1915–1920 [Космовская 2016] гг.), до Первой мировой войны политическая ситуация в России в записях Н. Ф. Финдейзена получала очень незначительное освещение – только в плане упоминаний отдельных событий, напрямую затрагивавших его быт. С переменами в жизни, в прямой зависимости от того, что происходило в мире и в стране, тема внутренней и внешней жизни России стала равноправной в его записях. И только к началу 1920-х, а еще точнее – к 1923–1924 гг. он возвращается к системе записей довоенных лет, и политика постепенно уходит на самый дальний план.

Выделим в сонме событий и фактов политической жизни то, что нашло отражение на страницах дневников советского периода.

Прежде всего, это – следствия политики «военного коммунизма», со всеми вытекающими и упоминающимися Н. Ф. Финдейзеном событиями: «Кр<аснов> рассказывал ужасы о пребывании своем, в пр<ошлом> году, на южном фронте: на берегу Дона всюду валяются трупы зверски убитых евреев, даже женщин с грудными младенцами!» – 19 июня 1920; «Забыл занести слух о расстреле в Москве депутации коммунистов, присланных с фронта для убеждения спешно заключить мир с поляками: армия разута, безоружна, сдается и разбегается. Депутацию из П<етро>гр<ада> отправили в Москву, а там ее заставили замолчать своеобразным революц<ионным> способом» – 3 окт. 1920; «У Грж<ебина> слышал рассказ только что прибывшего из Москвы – о новом «заговоре» и расстреле чуть ли не более 700 чел<овек>» – 27 окт.

1920; «Вас<ильев> передал от брата Евг<ении> Фил<аретовны>, съездившего в Архангельск и Холмогоры разыскивать Лутугина, что по-видимому несчастный Б<орис> А<поллонович>, вместе со всей партией (в 500 чел<овек>), увезенных внезапно из Ейска в августе пр<ошлого> г<ода>, – еще в октябре был расстрелян или убит!!! Какой ужас» – 9 июня 1921; «Ужас вызывает новое зверство большевистского террора – новый массовый расстрел интеллигенции – и это после декрета о прекращении казней. Господи, как жутко! Как безвыходно жутко...» – 2 сент. 1921 г.

Так, от слухов – к исторически достоверным фактам (расстрел 60 интеллигентов в сентябре 1921 г.), от трагически воспринимавшихся личных потерь друзей и близких – к общему ощущению гибели отечественной культуры, от зверств красного террора – к сообщениям о канибализме – о расстреле за торговлю «ненормированными продуктами», то есть человеческим мясом; расстреле партии людей «привезенных ошибочно» или расстреле всех Ивановых и Петровых, которые были в арестованной группе «чтобы не вышло путаницы» (от 29 сент. 1920 г.). Все это сливалось в полуанекдотичный кровавый кошмар, в который и верить-то было почти невозможно...

Однако в печати все завуалировано и неточно, что порой удивляет и возмущает Н. Ф. Финдейзена: «Высылка мнимых “левых” ученых и литераторов за границу и чуть ли не в Норильский край (Карсавина, Строева, Лапшина и др.) оказалась лишь очередным запугиванием» – 10 сент. 1922. И это – о беспрецедентном акте советского правительства, об историческом факте постановления Государственного политического управления (ГПУ) – о высылке из страны более 200 философов, писателей, художников – интеллектуальной элиты России, признанной правящей идеологией «буржуазной». Такой шаг отнюдь не был актом вандализма, а был четко продуман (теоретическое обоснование такому действию было дано В. И. Лениным в статье «О значении воинствующего материализма»), подготовлен и свершен как стратегия избавления страны от неугодных личностей, мешающих строительству коммунизма. В передовице газеты «Правда» от 31 авг. 1922 г. читаем: «По постановлению Государственного Политического Управления, наиболее активные контрреволюционные элементы из среды профессуры, врачей, агрономов, литераторов высылаются частью в северные губернии России, частью за границу. Если этим господам не нравится в Советской России, – пусть они наслаждаются всеми благами буржуазной свободы за её пределами» [Первое предостережение 1922].

На фоне негативных проявлений результатов революции формируется отношение к политическим деятелям, которые довели страну до такого состояния. Народная молва о них фиксируется в дневниках и отражает надежды и чаянья населения: «Слухи о поколоченном Зин<овьеве> – путиловскими рабочими, из них 20 чел<овек> расстреляны», – 17 марта 1920 г.; «Говорят, Зин<овьев> лежит с рассеченной головой в какой-то клинике и, вероятно, уедет», – 19 марта 1920 г.; «Пролетарии радуются – вздутый рабочими Зин<овьев> умер вчера (слышал буквально выражение – с. с. с. Вчера об этом распространился слух. <...> Платонов сегодня рассказал, что спектакли в театрах, по этому случаю, были вчера прекращены. Коронованная особа» – 24 марта 1920 г.; «Новый слух: будто бы арестован Троцкий», – 24 марта 1920 г. и приписка на полях: «Интересно знать: кем бы он мог быть арестован?»; «В очередях плясали, передавая слух о покушении на Троцкого» – 28 сент. 1920 г.

Однако в исторических источниках ни один из этих фактов не подтверждается. Это были умело сфабрикованные слухи, которые должны были хотя бы частично оправдать стремительный поход против интеллигенции. Естественно, что ничего подобного не упоминается и в периодической печати. И гораздо реже встречаем горестные замечания: «По-видимому, слухи о смерти З<иновьева> были “слишком

преувеличены” – в газетах об этом полное молчание», – 26 марта 1920.

Следует отметить, что если к Троцкому или Зиновьеву отношение в дневниках прописано достаточно четко, то имя вождя пролетарской революции упоминается не более десятка раз, и то в весьма нейтральном контексте: «Главные улицы города переименованы: просп<ект> Ленина, Либкнехта, улицы Троцкого и Зиновьева» – 6 апр. 1921 г.; Клуб Ленина на Выборгской стороне (18 янв. 1922), «портреты Ленина по 20 лимонов за штуку» – 6 апр. 1923 г.; в разговоре с детьми о том, кому они делают земной поклон в танце: «“Кому?” – спросил я у Кл<авы>. – “Идолу – там будет поставлен какой-то идол”. “Ленина или Маркса?” – “Нет, просто идолу”», – 22 окт. 1923 г.; о проекте замены ангела на Александровской колонне – статуей Ленина, а при этом «кто-то из музееведов сказал (на спрошенное мнение), что с таким же правом можно снять голову Петра с памятника Фальконе и заменить ее головой Л<енина>», – 17 нояб. 1924 г.

Лишь дважды его имя упоминается в политическом контексте: «Добыл воскр<есный> № “Правды” с любопытным Радио – Ленину и его еще более любоп<ытным> ответом» – 16 сент. 1920 г.; «На днях по телефонограмме Ленина разогнали совещание при Доме уч<еных> об оказании помощи голодающим» – 27 авг. 1921 г.

Причина прекращения упоминаемого совещания – еще один исторический факт решений советского правительства: сначала создание в июле 1921 г. Всероссийского комитета помощи голодающим (Помгола), а затем – его очень уж стремительное закрытие уже в августе того же года, что и отразилось в вышеприведенной записи. Участники Помгола были отстранены от работы, собранные средства конфискованы. Именно в распределении последних и состояла причина чехарды с постановлениями об открытии-закрытии комитетов. После начала поступления средств для голодающих из-за границы образовался денежный поток, который, с точки зрения В. И. Ленина, нельзя было оставлять под руководством М. А. Горького или патриарха Тихона, ставших активными исполнителями его же инициативы по поиску внешней благотворительной помощи, для чего и был создан Помгол. На обращение выдающихся представителей литературы и духовенства России оперативно откликнулись Америка и Англия. Этот новый поток денег надо было подчинить партийному учету и распределению, чтобы средства шли не напрямую: от дарующих – к нуждающимся, а через партийную кассу.

Еще один ракурс внутреннеполитической жизни в России, болью отзывавшейся в дневниковых записях Н. Ф. Финдейзена, – отношение советского правительства к духовенству и те декреты, которые издавались: об отделении церкви от государства, о конфискации церковной утвари и др. И как совершенно недопустимое – судилища и расстрел православных священников: «Слухи о Вениам<ине> и приговоре разноречивы, но, во всяком случае, он жив», – 11 июля 1922 г. Действительно, митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (в миру Василий Павлович Казанский, 1873–1922) был расстрелян месяцем позднее: в ночь с 12 на 13 августа этого же года по обвинению суда в сопротивлении изъятию ценностей. То есть, мешая полному изъятию церковной утвари, что впоследствии составило золотой запас коммунистической партии, он принял мученическую смерть, за что канонизирован был, вместе с тремя своими сподвижниками – архимандритом С. Шейным, Ю. Новицким и И. Ковшаровым, в апреле 1992 г.

Когда анализируешь дневники Н. Ф. Финдейзена в контексте политических событий в России, то понимаешь, что слухи, подогреваемые властями, являются лишь малой толикой отражения всероссийской трагедии, происходившей на его глазах: целенаправленно и последовательно уничтожался самый цивилизованный слой

населения – интеллигенция и духовенство. Все это в целом было направлено на искоренение неповиновения не только в действиях, но и в мыслях, и в словах.

Оправдать и объяснить красный террор необходимостью наведения порядка в стране невозможно. Порождаемое фактами отношение к происходящему у интеллигенции не могло быть положительным, поскольку все это отражалось на жизни каждого человека, о чем лаконично сказал Н. Ф. Финдейзен: «А в действительности – форменный голод. Желудок тощит от советск<их> обедов (жидчайший суп и смехотворная порция картофеля) и хлеба нет» – 30 сент. 1920 г.

Не только для истории, но и в стремлении осознать происходящее Н. Ф. Финдейзен в дневниках фиксирует рост цен на продукты и получаемое им жалованье. Вот некоторые этапы инфляции, отраженные в рукописях: «В Отд<еле> получил за Дарг<омыжского> 11 250 р. (75%)» – 20 марта 1920 г.; «Неполная бутылка плохого, снятого молока – 380 р., ф. соленой трески – 900 р., мука ржан<ая> – 425 р. Картофель старый 180 р. Сегодня на несколько фунтов провизии, которой хватит на 3–4 дня максимум, вышло 5000 р. – половина вчерашнего задатка!» – 16 июня 1920 г.; «Цены продолжают расти – до середины недели за молоко платили еще 250 р., затем 300 р., а сегодня уже 350 р.! И хотя бы давали полную меру и не скисшее, разболтанное водой! За 5 дней истратил 15 тыс<яч>, а ели мало и скромнее скромного!» – 5 июля 1920 г.

На страницах дневников мы находим даже рацион питания семьи в 1920 г.: «С продовольствием теперь очень туго – в столовых почти ежедн<евно> “трудовиков” насыщают – ½-й, а то ¼-ю – селедки; селедкой наградили обывателей к торжеству в гор<одских> районных лавках» – 2 мая; «Сегодня – новый день сытости – в “пайке” дали 7 ф. трески, муки и хлеба» – 4 мая; «Вторн<ик>. 8 июня. “Быт ученых” стали улучшать гнилым картофелем и селедками»; «Единственное пропитание – советский обед, картофель и хлеб из суррогатов. Что творится вокруг – совершенно непонятно» – 31 авг.

Но даже и мизерное жалованье (по сравнению со стоимостью продуктов) выдавали не всегда регулярно, а цены стремительно росли: «В школах – как и у Дедюл<иной> – преподаватели, получающие около 10–20 тыс., не получали жалов<ание> с 1 июня! В Отделе <...> – еще более мизерные оклады (наивысший – ок<оло> 7 000 в месяц!) – не платят с 15 июня. То же и в Институте» – 17 авг. 1921 г.; «Стал капиталистом на 48 час<ов>. Получил: ... 393 300 р. и – уплатил – за 1½ саж<ени> дров 210 000; за испр<авление> зубн<ой> пласт<ины> 125 000; за – «Всеоб<щую> ист<орию> Зегера у Каз<арина> 30 000; рис<унки> для лекций 20 000; молоко и булки 12 000 – 397 000 р. Не считая 40 000 взносов в 2 коопер<атива> и мелких расходов» – 3 сент. 1921 г. Последняя цитата показывает, что даже голод не может остановить Н. Ф. Финдейзена от приобретения нужных ему для работы книг и заказа наглядных пособий.

В последующие месяцы – еще интереснее: «В фил<армонии> выдали аванс – в 250 т<ысяч>, а в тот же день советский сер<ебряный> рубль стоил 60 т<ысяч> руб<лей>; значит, на праздник выдали по 4 руб<ля> с копейками – стоимость 2-х ф. масла. Молоко на пр<ошлой> нед<еле> стоило 8 тыс<яч>, теперь сразу 12 тыс<яч>» – 5 янв. 1922; Сегодня спрашивал на Сенной цену дров – воз смеси и плохой – 1 200 000. В филарм<онии> разговоры о расценке жалованья – сторожу по 700, 800 тыс<яч>, “помощник” библиот<екаря> – 1 мил<ьон>; Пащ<енко>, Гусев и Преобр<аженский> по 1 200 тыс<яч>; мне назначили 1½ лимона» – 28 янв. 1922 г.; «4 дня тому назад колбаса стоила 60 тыс<яч>, сегодня – уже 200 тыс<яч> ф.! Шибко шагаем к чему-то» – 14 фев. 1922 г.; «Купил ½ ф. ситного за 300 000, телячью печенку за 4 700 000 и сухой лимон за 500 000. Хорошенькие цены» – 10 сент. 1922 г.; Вчера утром получил из КУБУ

288 лимонов и уже $\frac{1}{2}$ истратил, сразу побывав на старом Александр<овском> рынке, где торг<уют> евреи и татары – и даже букинисты – все по-старому» – 24 нояб. 1922 г.; «Из школы прислали 33 лимона (накануне 3 часа подряд без отдыха – 4 репетиции!!); а цены ноне: табак 16 лим<онов> ф.; сухари – 6 мил<ьонов>; синее мыло 2 $\frac{1}{2}$ л<имона> – ф.; молоко 1 л<имон> бут<ылка>, вино – 7 лим<онов> бут<ылка> простого; пачка спичек – 1 лим<он>» – 28 нояб. 1922 г.; «Табак в 1 день поднялся на 2 млн за ф.!» – 6 марта 1923 г.; «Вчера получил из Москвы 675 миллионов, да из Инстит<ута> 25. Истратил почти все в 1 день», – 29 мая 1923 г.; «Рыночные цены растут гомерически – сегодня ф. макарон – 10 миллионов, фунт костей (без мяса) – 6 миллионов, вершки – 40 мил<ьонов> etc. Денег – ни в КУБУ, ни в Инст<итуте>, ни в Школе – еще не заплатили, а паек акад<емии> будет выдан (на букву Ф) только 21 июня, по новому глупому правилу» – 1 июня 1923 г.

Советское население «успокаивали» новостями о том, что в других странах рост цен гораздо больше, чем в России, к примеру, читаем запись конца 1923 года: «В Германии кувырколлегия дала свои результаты еще более рельефные, чем у нас – 2-х рублевый доллар ценится там в 20 трильядов марок! А наши цены на продукты также растут благополучно в связи с повышением бумажных “червонцев”. 5 октября в школе выдали червонец за 4 100 руб<лей>, сегодня его стоимость 16 000 с лишком. Но и цены премилые на все: масло (еще 2 месяца тому назад стоившее около 125 мил<ьон<ов>) теперь таксируется около миллиарда 400 миллионов. Мил<ьярдеры!» – декабрь 1923.

Все это уже к 1921 г. стало отражением того, что экономика страны находилась в катастрофическом состоянии. Однако во внутреннеполитическом плане меры уже были приняты: решением X съезда РКП(б) о переходе от политики «военного коммунизма» к «новой экономической политике» (НЭП), рассчитанной на новый шаг к построению социализма в России, провозглашенной 21 марта 1921 г. НЭП – временная мера для восстановления экономики страны с введением частного предпринимательства, возрождением рыночных отношений и, как следствие, восстановлением народного хозяйства очень быстро дала положительные результаты, которые не замедлили отразиться в дневниках. В августе 1921 г. – первое наблюдение: «Веч<ером> в концерте – все больше стали появляться прежние, давно невиданные, посет<ители> концертов. Вероятно – возвр<ащаются> из-за границы» – 27 авг. 1921 г.; «А город все больше принимает прежний вид» – 9 июля 1922 г.; По дороге туда конная милиция задерживала всех проезжающих, проверяла документы на автомобили и экипажи. Что сей сон значит? На обратном пути – катили по Невскому – освещенному и шумливому – точно революции и не бывало: рестораны торгуют, из особ<ого> сада «Отдыха» (Аничк<ов> дв<орец>) звуки оркестра, также из разных кабаре. В победоносцевском особняке (на Лит<ейном>) какой-то бал. Балкон вновь откр<ытого> “Палкина” освещен; на днях ПЕПО открывает... рест<оран> Доминина¹. Пролетарии всех стран объединились, добыв свой хлеб насущный и установив свободу, равенство и братство» – 16 июля 1922 г.; «Памятник Суворова восстанавливается: отломанная в нач<але> революции корона (и разруш<енная> решетка – целы), в пр<ошлом> году неизвестно куда исчезнувшая (а раньше валялась тут же на земле), теперь на месте» – 25 июля 1922 г.

В то же время жизнь диктует новые порядки: «В Летнем саду разводят костры. Осенью производили там учение новобранцев, потом велосипеды, возы с дровами, теперь – проезжают автомобили – грузовики» – 13 дек. 1921 г. И новые условия: «И в театре, и на улице, и по квартире (с подн<ятыми> шестами) собирают... на

¹ Сеть общественного питания (рестораны, столовые на производстве и в рабочих кварталах – одно из направлений деятельности Петроградского единого потребительского общества (ПЕПО)).

“просвещение”. Блестящий результат коммунальных пертурбаций. А ведь как трубили и хвастались бесплатным всеобщим обучением! Педагоги нищенствуют, а с учащ<ихся> семь шкур дерут (торговцы за детей платят чуть ли не по 15–20 мил<ьонов> в месяц)» – 10 февр. 1923 г. Все это рождает у Н. Ф. Финдейзена ощущение неправильности бытия и непоправимости того, что происходит.

В дневниках читаем: «Почти ежедневно судьба награждает оплеухами, да еще иногда по несколько в день. Работаешь, работаешь, а кругом какая-то тьма египетская, еще хуже – кошмарная слякоть, да еще непроглядная! Денег с сент<ября> не платят, – живи, как и на что знаешь. У Сокол<овских> 2-й вечер не состоялся – молчат. <...> Куда ни пойдешь – все или глупость, или неприятность – и в Инст<итуте>, и в Главархиве (предложили – через 3 недели! – уплатить герб<овый> сбор и на канц<елярские> расходы?), и в Публ<ичной> библ<иотеке>, где Бычков ходит хмурый и неприветливый, и в Школе, и всюду, всюду. Сегодня, вдобавок, Климов прислал извещение, что “Вавил<онское> столп<отворение>” не разрешено, это за 1 ½ недели до обусловленного чествования памяти А<нтона> Г<ригорьевича>... Шеф<ер> рассказал, что 7 ноября сотрудники Рус<ского> музея участвовали в церемонии с своим (новым) знаменем. Также Акматкульт и Публ<ичная> библ<иотека>. Впервые за 7 лет и ученых заставили мерзнуть и идти с кр<асными> флагами» (10 нояб. 1924 г.).

И все же, в сонме проблем, создаваемых бытом, Финдейзен находит свое место в новой жизни – то, что позволяло пережить все тяготы и ужасы эпохи, давало светлую отдушину ему и его окружению. Он остается верным делу, избранному в юности – Музыка. Где бы он ни работал – учителем музыки в Единой трудовой школе (1920–1925), лектором в Хозяйственной академии рабоче-крестьянской Красной армии (1922), профессором Петроградского Археологического института (1919–1922) и факультета общественных наук Петроградского университета (1922–1925), он насыщает музыкой не только свои уроки, но проводит общественную работу, устраивая лекции-концерты, приглашая коллег на домашние музыкальные вечера.

Продолжается и работа по сохранению истории музыкальной культуры России: Финдейзен работает над биографией М. И. Глинки [Финдейзен 1922], готовит и издает книгу с автобиографией, письмами и воспоминаниями современников А. С. Даргомыжского [Даргомыжский 1922]; публикует письма Н. А. Римского-Корсакова [Финдейзен 1924]. Но это так мало по сравнению в тем, что делалось в предшествующие годы (общий список публикаций состоит из 619 наименований его книг и статей [Космовская 1997: 168–186]).

Девальвация ценностей сказывалась на всем, даже на оценке конкретной музыкально-литературной исследовательской работы: «В Отделе сдал окончание рукописи “Воспоминаний современников Даргомыжского”. Эту ерунду оценили в 15 тыс., а за кропотливую обработку автоб<иографических> заметок и всех писем выдали авансом 1 000 р.!» – с возмущением пишет он 17 марта 1920 г.

С 1920 по 1928 г. основным местом его работы был Музыкально-исторический музей при Петроградской (впоследствии – Ленинградской академической) филармонии. И по сию пору его считают создателем отдела старопечатных нот библиотеки этого учреждения. В его ведении были и книжные, и инструментальные фонды, составляющие сегодня базис Музея музыкальных инструментов в Фонтанном доме [Космовская 2013а]. Деятельность по пропаганде этой коллекции разворачивается в полной мере лишь в 1925–1927 гг. и выходит за хронологические рамки этой статьи. В первой же половине третьего десятилетия это собрание становится площадкой для работы и со школьниками, и со студентами, и со слушателями лекционно-практических курсов, читавшихся им во многих учреждениях Петрограда-Ленинграда. Он руководил, совместно с А. И. Зилоти и С. М. Сонки «Обществом любителей музыки»

(существовало до 1921 г.); был в составе инициативной группы «Петербургского общества пропаганды современной русской музыки» (1921–1922); принимал активное участие в деятельности «Общества любителей древней письменности» и «Русского географического общества» (1922–1928); участвовал в заседаниях при музее Государственных академических театров (1923–1924). Отражение этой многогранной повседневной работы, порой вопреки всему, на исходе сил, мы находим в его рукописях этих лет [Финдейзен Дневник 1920–1928; Финдейзен Музыкальный дневник].

Таким образом, дневники Н. Ф. Финдейзена 1920–1924 гг. вносят весьма значимый вклад в воссоздание общей картины повседневной жизни российской интеллигенции. Голод (ситуация в стране такова: чтобы прокормить семью, признанный в стране ученый-историк, профессор С. А. Розанов предлагает Н. Ф. Финдейзену «записаться на обработку огородов», – 17 марта 1920 г.), холод (для обеспечения элементарных жизненных условий приходится расставаться даже с антикварными вещами: «Эту неделю протапливаю печь – отцовским буфетом, сделанным ко дню его свадьбы. Сколько добра мне удалось собрать в нем, а теперь!..» – 17 марта 1920 г.) и эпидемии («Тиф и др. болезни усиливаются – до 70% болеющих (в том числе и масса докторов)» – 17 марта 1920 г.) грозят физическим уничтожением, а инфляция с опережающим ростом цен на продукты заставляет искать дополнительные формы заработка и приводит в эти годы к невозможности заниматься любимым делом – созданием и сохранением информации о музыке.

Анализ финдейзеновских дневников показывает, что факты бытия очень часто в этот период довлеют над сознанием. В социуме происходит стремительная трансформация мышления: от богосознания – к мировоззрению и создается, по В. В. Медушевскому, «обратная перспектива в жизни, культуре, музыке» [Медушевский 2015: 64]. Несмотря на это, Финдейзен сохраняет собственный духовный стержень, стараясь не поддаваться общей оголтелости и сберегая себя в музыке и работе.

В этой атмосфере праздники, особенно новые, воспринимаются им как акты праздности и вызывают возмущение: «В филарм<онии> (отменили конц<ерт> Глазунова ввиду какого-то “собрания” – разукрасили зал (всеми атрибутами красного идолопоклонничества)» – 22 нояб. 1922 г.; «Вчера зашел в Институт – закрыт по случаю праздника, – оказалось был праздник красной учащейся молодежи, а сегодня эту же молодежь лишают электричества: в Инст<итуте>, как и в Унив<ерситете> – оно закрыто. В Инст<итуте> кое-где работают при керосиновых лампах» – 22 февр. 1923 г.; «Торжество просвещения (вероятно?) – шествия пионеров, комсомольцев etc., – с музыкой и песнями – очень внушительное и курьезное – в телегах и автомобилях везли (стоя) разных представителей «прошлого» – в том числе был выряжен не то митрополит, не то патриарх, которого хлестала девица в красном. Странно, что согнали столько пьяной молодежи вместе, когда начало школьных занятий отложено на неделю, в виду эпидемии скарлатины» – 9 сент. 1924 г.; «Сегодня веч<ером> нашел Инст<итут> запертым и темным. Подошел и Пресняков, догадавшийся, что и Унив<ерситет> закрыт – “все на улицу” в виду демонстрации против эстонцев. Там судили 150 коммунистов и одного – предсказавшего его судьям скорое повешение – расстреляли. Поэтому теперь, рабфаки и комсомольцы – шествуют, протестуют и не учатся» – 17 нояб. 1924 г.. Высказывания, не требующие пояснений. А ведь десятилетием спустя гораздо за меньшую критику людей лишали жизни. По 58 статье – «без права переписки».

Видя творящееся вокруг, остаться собой весьма непросто: сохраняется только

одно – то, что было впитано еще в годы обучения в Коммерческом училище как незыблемый стержень, то, ради чего создавалось это учебное заведение с его девизом конца XVIII в.: «Труд и честность!» [Комаров 1872: 16] Именно это сохраняет его как личность и дает возможность работать с полной отдачей и в учебных, и в общественно-просветительских организациях.

Музыка и вера – вот то, что обеспечивают ему профессиональную и духовную сохранность в новом атеистическом мире советской России. Уход в искусство и для искусства – форма, которая позволяет работать и самореализовываться с полной отдачей, получая импульс к работе в поддержке друзей, в их отзывах о проводимых им музыкальных встречах. А. Н. Николаев, проректор Археологического института написал о своих впечатлениях Н. Ф. Финдейзену 9 марта 1923 г. так: «В унылые дни, когда на ум, сердце и волю свободной личности камнем спустились серовато-туманные сетки-шаблоны, когда в душах старательно выскребываются яркие цвета, краски и тона, когда и со стен, и с печатных строк, и из людских плотоядных глаз вызывающе и нагло смотрит лишь идеал пищевого счастья, – как невыразимо тепло и сладостно уютно, прижавшись, спрятаться в звуках, красках и мелодиях, как радостно найти красочную душу, всю наполненную благоуханием нежной гармонии, как целительно прикрыться ее цветущими ароматичными лучами... Такие души горят и сверкают, как залитая весенним солнцем чистая природа, которую не покрыть шаблонами, не обесцветить трафаретами, не залить плотоядную грязью! Это, дорогой Николай Федорович, хотелось мне сказать Вам под звуки Ваших чарующих мелодий» [Альбом: 4 об.]. Такой осталась в памяти современников деятельность Н. Ф. Финдейзена первой половины 1920-х гг.: преображающей их повседневность в праздники искусства радостью прикосновения к прекрасному.

Библиографический список

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Альбом автобиографических записей археологов, артистов и других деятелей искусства, с которыми Н. Ф. Финдейзен сталкивался в Музее филармонии и Археологическом институте (1923–1928) // ОР РНБ. Ф. 816. Оп. 1. Ед. хр. 335. 115 л.

Финдейзен Н. Ф. Дневники. 1920–1928 // ВМОМК. Ф.87. Ед. хр. 1068. 160 л.

Финдейзен Н. Ф. Музыкальный дневник. 1921–1928 // ВМОМК. Ф.87. Ед. хр. 1069. 154 л.

ПУБЛИКАЦИИ

Весь Петроград. 1922 г. Адресная и справочная книга / под ред. А. И. Гессена и Я. В. Лившица. Пг.: Изд-во «Петроград», 1922. 960 стб.

Даргомыжский А. С. (1813–1869). Автобиография. Письма. Воспоминания современников / сост. Н. Ф. Финдейзен. Пг.: Гос. акад. филармония, 1922. 184 с.

Комаров П. В. Память столетнего юбилея С. Петербургского Коммерческого училища. СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1872. 20 с.

Космовская М. Л. Годы войн и революционных переворотов в дневниках Н. Ф. Финдейзена 1915–1920 гг. // *Финдейзен Н. Ф. Дневники. 1915–1920.* / Вст. статья, расшифровка рукописи, исследование, комм., подготовка к публ. М. Л. Космовской. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 576 с. С. 5–145.

Космовская М. Л. Наследие Н. Ф. Финдейзена. Курск: Изд-во КГПУ, 1997. 201 с.

Космовская М. Л. Последняя мирная «пятилетка» в трудах и дневниках Н. Ф. Финдейзена // *Финдейзен Н. Ф. Дневники 1909–1914.* / Вступительная статья,

расшифровка рукописи, исследование, комментирование, подготовка к публикации М.Л. Космовской. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 376 с. С. 3–64.

Космовская М.Л. Дворец Шереметевых в судьбе Н.Ф. Финдейзена: к 300-летию Фонтанного дома // Ученые записки Курского государственного университета: электронное издание. 2013а. №1 (25). С. 200–211. URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/029-030.pdf> (дата обращения: 1.11.2017).

Космовская М.Л. Дневники Н. Ф. Финдейзена и материалы «Русской музыкальной газеты» о Первой мировой войне // Вопросы истории. 2016а. № 3. С. 69–89. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25593636> (дата обращения: 1.11.2017).

Медушевский В. В. Обратная перспектива в жизни, культуре, музыке // Художественное образование и наука. 2015. № 4 (5). С. 64–72. URL: <http://hudozhestvennoe-obrazovanie-i-nauka.ru/images/mag/HON%202015-03-4.pdf> (дата обращения: 1.11.2017).

Первое предостережение // Правда. 1922. 31 авг. №194.

Финдейзен Н. Ф. Глинка. Жизнь и творчество. Пг.: 9-я гос. тип., 1922. 20 с.

Финдейзен Н. Ф. Дневники. 1909–1914 / Вступительная статья, расшифровка рукописи, исследование, комментирование, подготовка к публикации М. Л. Космовской. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 376 с.

Финдейзен Н. Ф. Дневники. 1915–1920 / Вст. статья, расшифровка рукописи, исследование, комм., подготовка к публ. М. Л. Космовской. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 576 с.

Финдейзен Н. Ф. Письма Н. А. Римского-Корсакова к Н. Ф. Финдейзену // Музыкальная новь. 1924. №4 (1–й). С. 40–43.